

Стетоскоп №3 (1993)

Стетоскоп № 2 (1993). Позиционирован как Маленький журнал искоренения русской грамоты. В журнале, помимо графических работ Ольги Платоновой (Митрич) представлены рисунки и тексты Михаила Богатырева (также под псевд. А. Удоменщик и Е. Анатолев).

Перефразируя С. Курёхина, назовём безумие главным компонентом русской духовности и русской культуры – не только медийной, но и «корневой».

Содержание

Рубрика: Поэзия и проза

БогатыРь. Ремни и камни (визуальные песни).....	3
Александр Удоменщик: Исследование романа "фэнтэзи"	8
Аноним: На трубах (рассказ).....	9

Рубрика: Записи поврежденных людей

Евдоким Анатолев: Разговор обо всем.....	11
Митрич: Докладные записки о современности.....	15

Рубрика: Наука, техника, прикладное искусство

Митрич: «Техника» звукоподражания.....	18
--	----

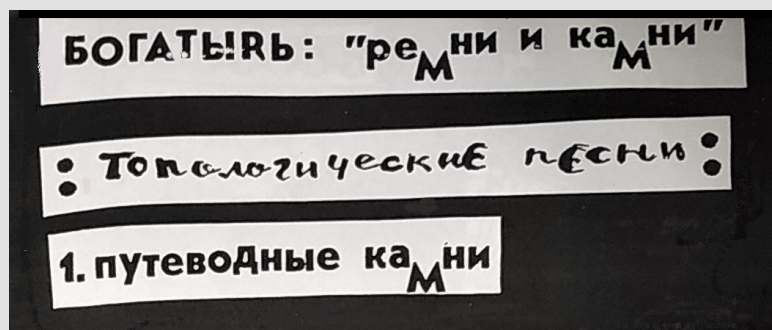
Издатели Митрич и БогатыРь

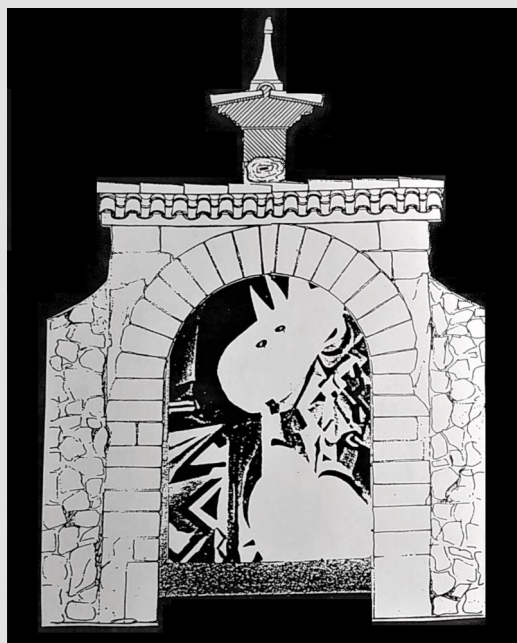
Обложка выпуска

Поэзия и проза

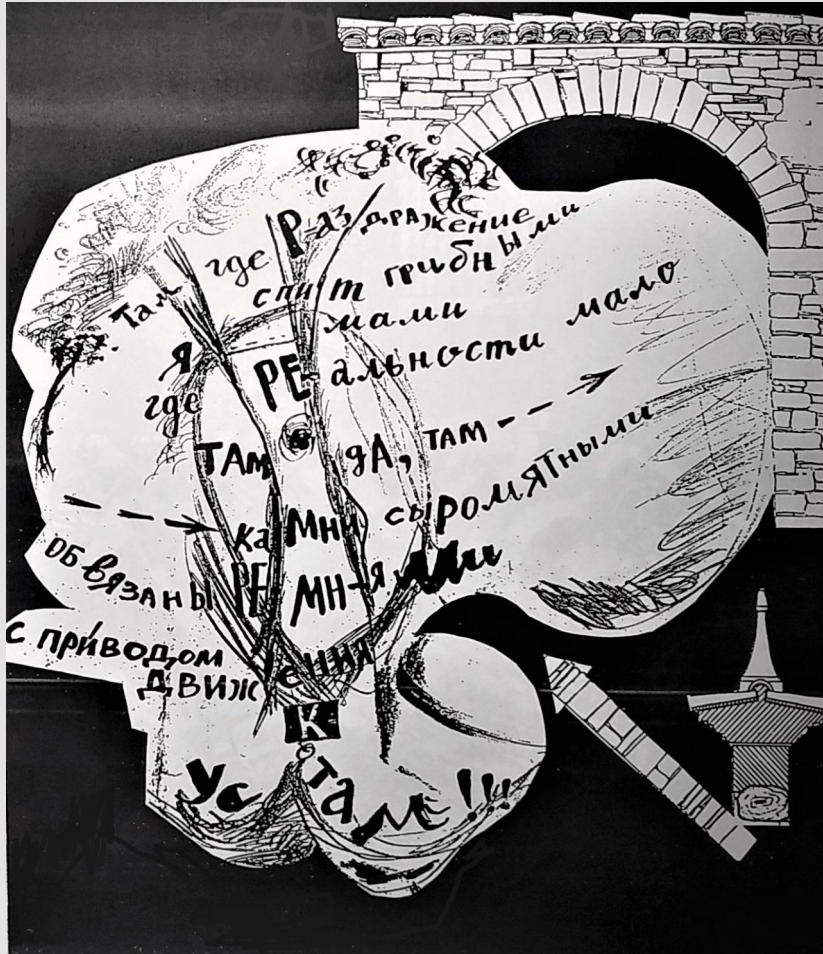
Богатырь: Ремни и камни
Топологические песни

1. Путеводные камни

Там, где раздражение спит грибными ямами,
 где реальности мало
 там, да, там:
 камни сыромятными обвязаны ремнями
 с приводом движения
 к
 устам

2. Лицо и время

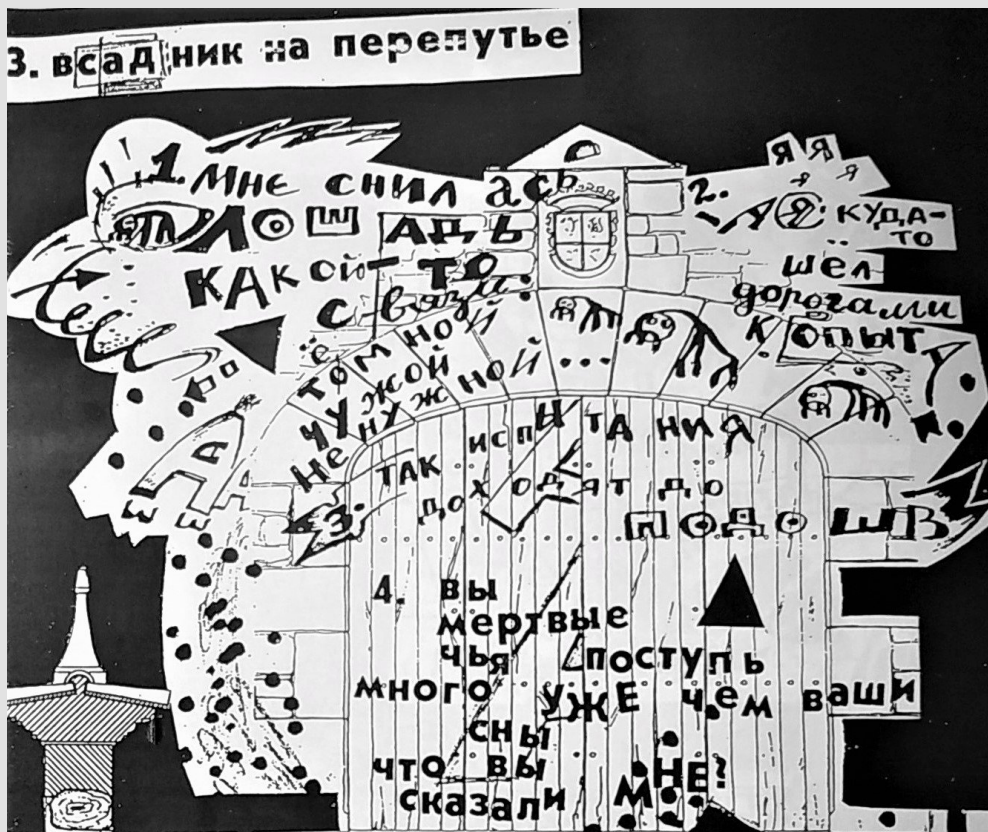
Во всяком в...
 ком времени лицо есть
 лицо есть в ком?
 лицо, в нем губ не счесть

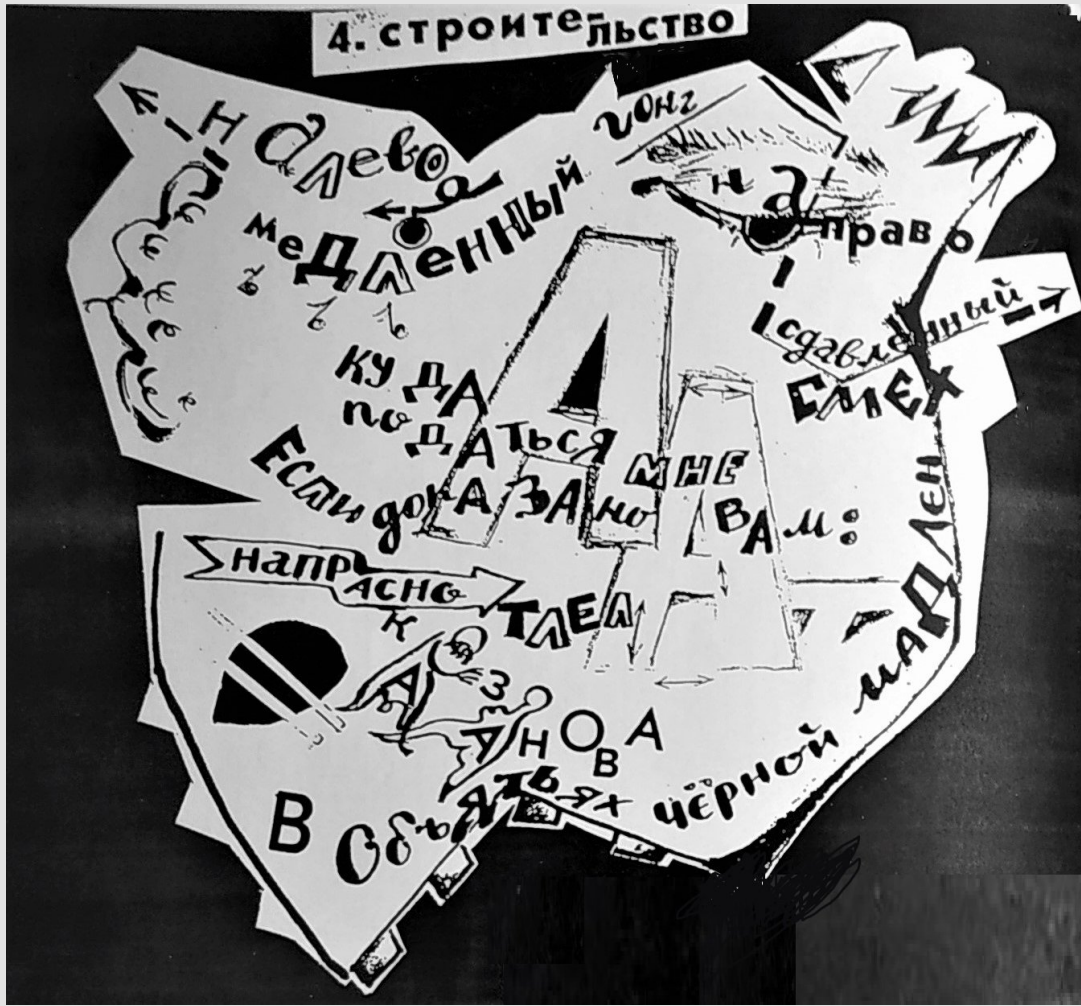
3. Всадник на перепутье

Мне снилась лошадь какой-то связи:
 томной, чужой, ненужной
 ...А я куда-то шел дорогами КОПЫТА
 ...Так испытания доходят до подошв
 ...вы мертвые чья поступь много уже
 чем ваши сны, что вы сказали мне?
 ...Сказали мне: миг опыта опасен...
 ...недаром шел в чужие песни Есенин
 ...и яшень тоже ходит как всадник
 ...корнями в мысль о мертвом скакуне

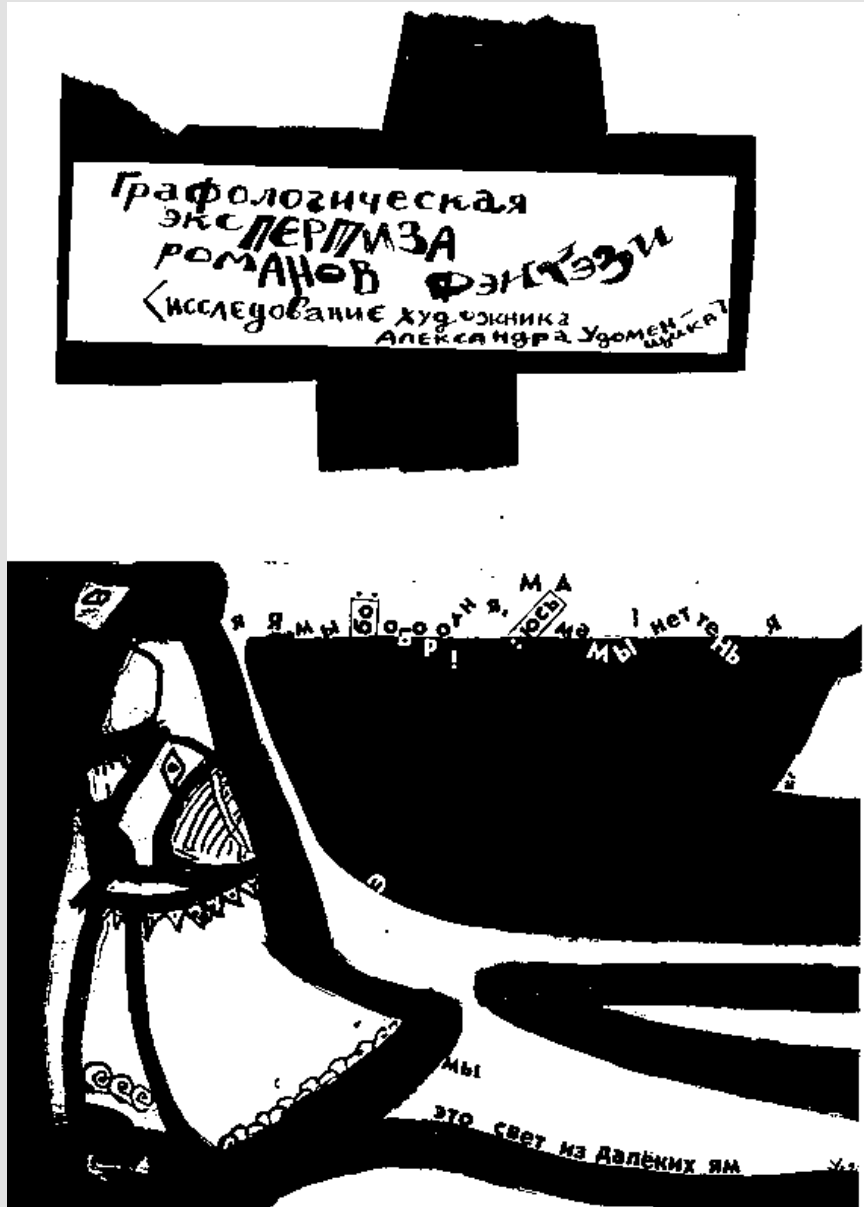
4. Строительство

Налево — медленный гонг,
 направо — сдавленный смех
 Куда податься мне,
 если доказано вам:
 Напрасно тлел Казанова
 в объятиях черной Мадлен..
 ...и не случайно пленные
 строят сейчас
 на кладбище
 новое здание цеха
 ...и не случайно пленные
 строят сейчас
 на кладбище
 новое здание цеха

Поэзия и проза

Графологическая экспертиза романов фэнтези
(исследование художника Александра Удоменщика)

я Я мы бо: обор!отня, ма :юсь ма мы? нет тень я
э й
мы
это свет из далеких ям

Поэзия и проза

Аноним
На трубах

Валентин пропускал воду в полу, а Людмила Дроздова ходила на кухне первого этажа и отчетливо переговаривалась с ним, как если бы Валентин находился здесь же. Значит, есть такое сознание, чтобы кипела вокруг батарей и труб людская молва, иначе не выразишь то, что центральное отопление вдруг прекратилось. «Долго ли там, в подвале, еще?» — нервничала Людмила Дроздова, и Валентин, как бы приложившись к раструбу охотничьего рожка, отвечал сквозь силу цемента и пола (ТАМ, у себя, в подвале, на потолке): «Мол, недолго, а все-таки не открыть ли воду. Мне, мол, ключ нужен». Спрашивали у бабушки Лазаревой. Сын Матвей, хоть и спился, а был сантехником в УКХ, да и в арматуре знал толк. «'нструмент» бабушка на толчке продала, в чем и проявилось ее настоящее отношение к сыну. Людмила Дроздова на бабушку выверилась: «Бабка проклятая. Сына законопатил!» А ключ все-таки нужен. «Я здесь без ключа долго не могу», — отвечал Валентин в раструб. И, согнувшись пополам, крутил Валентин задвижки, пропускал воду без инструмента и выражал мирскую печаль на немнущемся лице своем. Не идет. Вода — не идет. Человеческие отходы идут, и насос их бодро перепускает через крыльчатку на очистные сооружения. Только вода не идет: наверное, трубы сгнили. Все это одновременно подумалось Валентину, когда, прояснившись от надоевших обязанностей, он мало-помалу выходил из подвала на свет Божий: человеком.

Людмила Дроздова с ее соседкой-учительницей тут же стояли, под лестницей. Одна подманивает Валентина пятеркой, другая страшит его как бессовестного товарища начальником УКХ Шагиным. На первое Валентин с безразличной, никогда не стирающейся с лица своего приязнью смотрел. И глазам выражение придавал: дескать, мол, понимаем. А как же! От второго — отталкивался: мол, беспочвенное. Нет на памяти ни товарища Шагина, ни подручных ему мастеров. Впрочем, было однажды... Вода пролилась, и рабочих собрали в подвал двадцать третьего дома. Был там Матвей, и Сашка Момонов, и Толик — не тот, что ушел на бетономешалку, этот уже старик, — Куприянов был Толя, и Алик Матрос. Ну и что, что вода пролилась? Рабочий об этом думает буднично, беспокоится внешне. Он, может быть уже не понимает насчет воды, можно подумать, что это единственное слово на свете, и весь свет заинтересован искать Валентина, чтобы сравнить его с этой, с позволения сказать, водой. Где же тут разум, когда человека от воды отличить невозможно. Сказали: вода, и — давай, шевели руками-ногами, как осьминог! Валентин, значит, уже ни на что не годится. Валентина к воде подмешали и в лужу выплеснули.

«А брусника-то какая в этом году?!» — неожиданно сказал Валентин. То ли спросил, то ли сказал, сам не знает, потому что думать на разные безразличные темы для него все равно, что задвижку крутить, лишний раз убеждаясь в нешибкости всяких занятий. Валентин что-то говорит — другие рабочие смеются. То же самое и Валентин смеется, когда кто-то говорит. Иначе нельзя. «Ну, давай-ка», — говорит Валентину тот самый Матвей, что от бабушки Лазаревой спился. «На «ну» я и сам гну!» — для бодрости заявил Валентин, да сам же и засмеялся с другими, потому что от вечности хорошо смеешься. Тут-то и подошел этот пронира, товарищ Шагин, выступил вдруг из-за спины и крепко взял Валентина за руку, а

потом ею потряс в воздухе, чтобы стакан расплескать. С яростью Валентин на ублюдка локтем намахнулся. Был весь красивым, когда говорил про бруснику, а стал словно труп: уничтожен. Только... нет, не ударил. Рабочие никогда не дерутся.

Товарищ Шагин ушел так же молча, как появился, потом приходили другие, и кто-то сказал: вода. Сантехники зашевелились. Ключей разводных нет и не было вовсе, видать, придется живыми руками задвижки прокручивать. Из разных квартир обитатели злобно звонят в исполком, чтобы оттуда живую силу в движение привести. Рабочий-то что? Ему как скажут, так он и пойдет, да только делать-то окончательно ничего не станет, чтобы себя самого отличать от внешнего дела. Валентин пропустил воду и сплюнул. Здесь, пожалуй, пятеркой не обойдешься. Пока говорили с учительницей, Людмила Дроздова куда-то ушла, и Валентин заскучал. «Зря я на свет появился», — внезапно сказал Валентин и с деланным безразличием скрылся в канализационном отверстии. Живите как знаете.

Записи поврежденных людей

Евдоким Анатольев

Разговор обо всем

Композиция: В.Жирнов

Запись букв: Богатырь

Евдоким Анатольев записывает высказывания академика Масперо, своего случайного попутчика в вагоне поезда «Ленинград — Костомукша» (зима, 1992 год).

1. Что такое дом? — спросил академик Масперо, наблюдая строящиеся дома за окном... Дом — это пункт регистрации бесконечных матерьяльных рядов во времени, например, ряда свай, забиваемых в землю из года в год... или ряда скандальных несоответствий между жильцом N. и жилищей S., независимо от времени и места их проживания...

2. Капилляр же, — сказал академик Масперо, энергично ковыряя в зубах, — капилляр — это точка преломления всех людей, независимо от домов, в которых они проживают!

...вот... я только что поправил каплю дождя на стекле... но не могу же я поправить всех его струй, верно?

3. — ...от вас, поэтов, все требуют только одного, — сказал академик Масперо, захлопнув «Разговор о Данте», — а именно: отрегулируйте клапаны тонких различий. Как будто безразличие и его механизм не нуждаются в капитальном ремонте!

4. Действие и восприятие

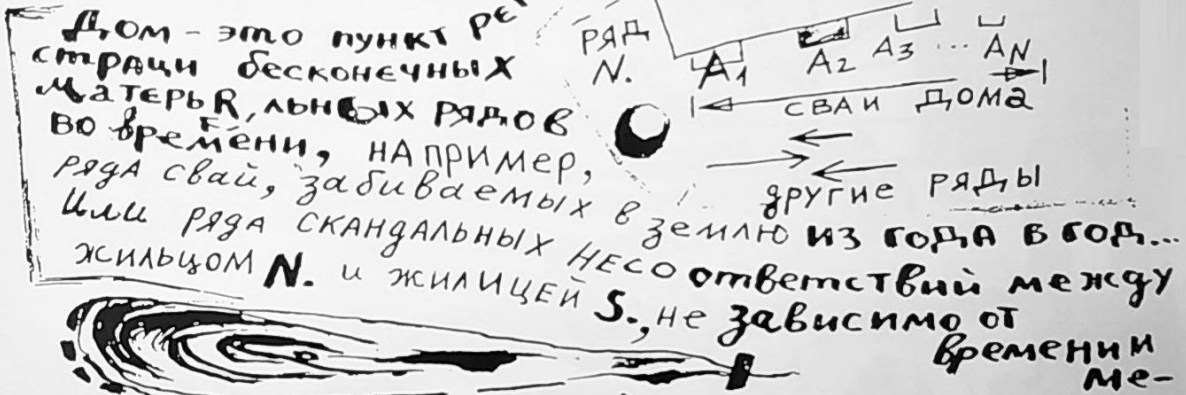
— Что же касается действия, — заявил академик Масперо, — то оно одновременно является структурой его восприятия... Капилляр восприятия безразлично впускает в себя активность...

(Продолжение следует)

Записи поврежденных людей

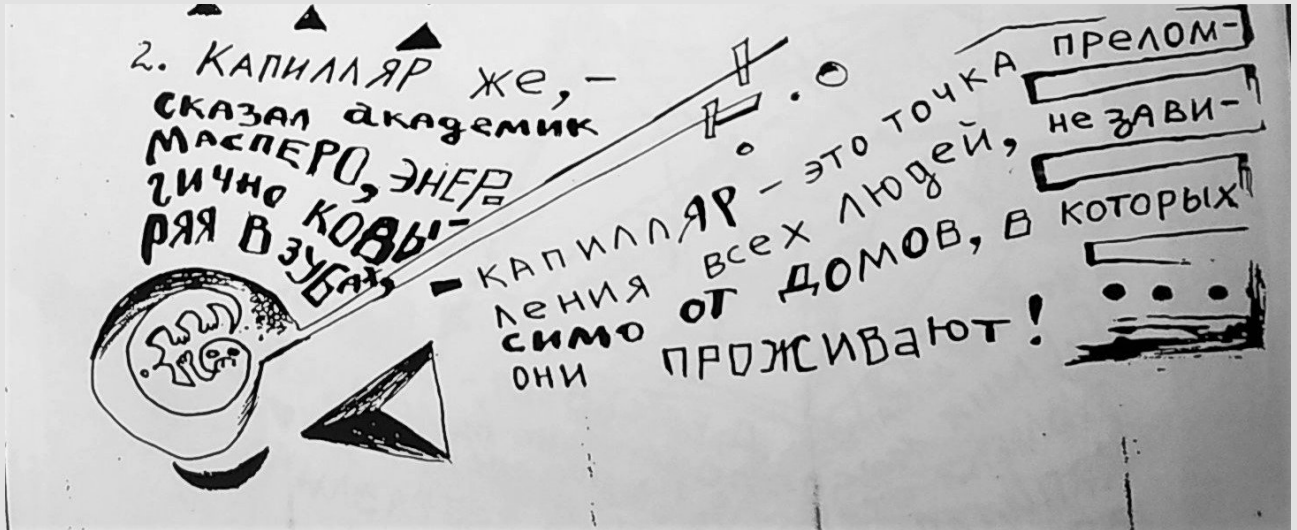
1. Что такое дом? - спросил академик Масперо, наблюдая строящиеся дома за окном...

Дом - это пункт регистрации страхи бесконечных матерьяльных рядов во времени, например, ряда свай, забиваемых в землю из года в год... Или ряда скандальных жильцом N. и жилицей S., не ответственней между независимо от времени ме-

ста их проживания...

Записи поврежденных людей

Записи поврежденных людей

(Продолжение следует)

Записи поврежденных людей

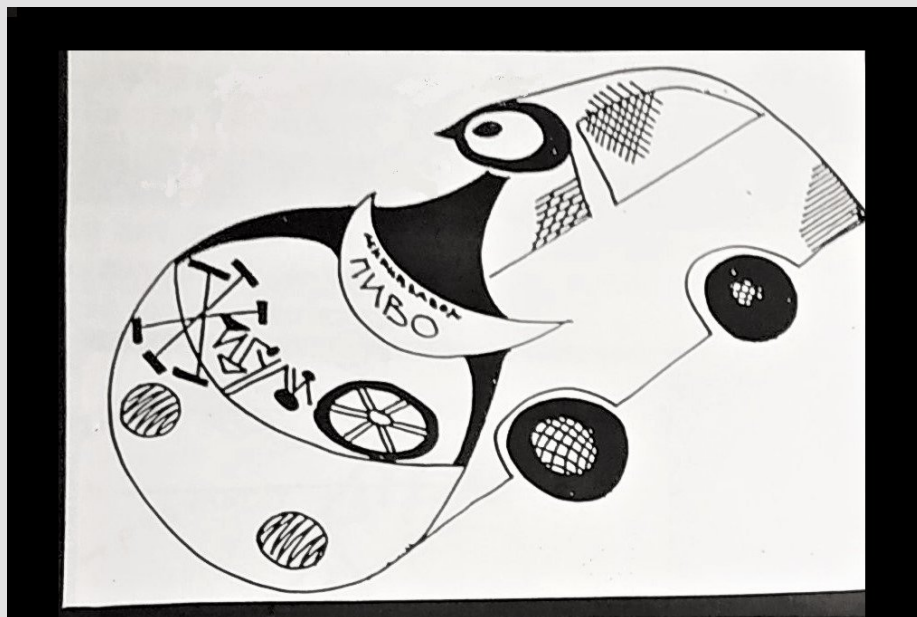
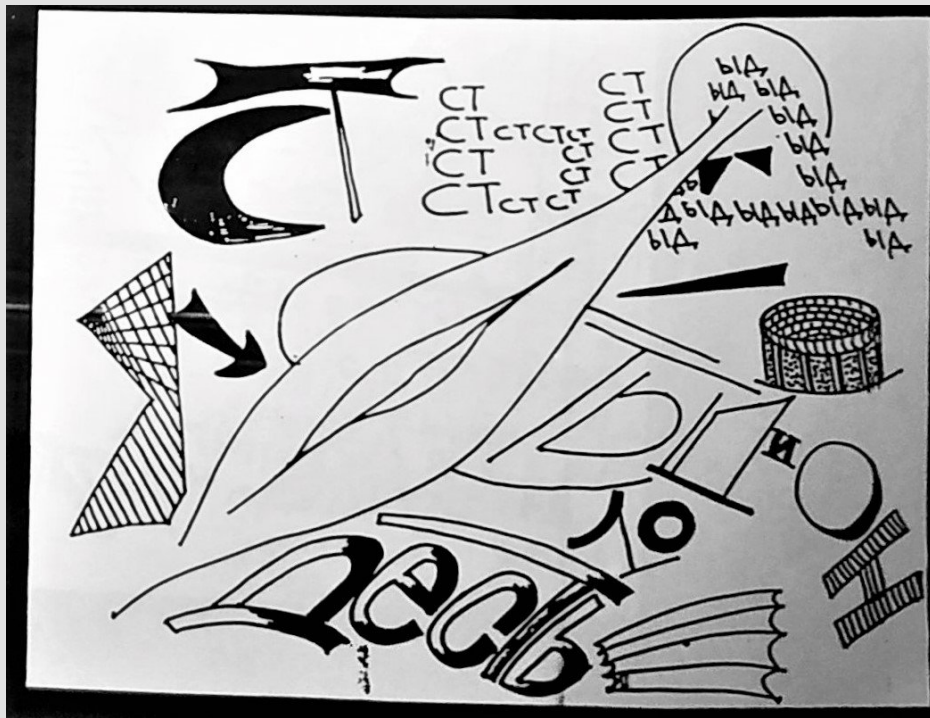
Митрич

**Извлечения из записной книжки сумасшедшего, подписанной
«Масштаб Масштабович»**

1. О деятельности «Кох-и-ноор»ов. Употребление в речи так называемых канцеляризов сродни интимной перестраховке. иначе как объяснить тот широкий диапазон, в котором разместились изделия фабрики «Кох-и-ноор».

#. «Кох-и-ноор»ы внедрились во все сферы нашей общественной жизни наподобие палочек Коха, разрушающих организм. Между ластиком, карандашом и презервативом можно выстроить равнобедренный треугольник.

2. О выставке пивных этикеток. Забавно, но бестолково, к тому же пива не поднесли. Ниже следует: «...обратить внимание наших хозяйственников на то, как буквально расходятся в разные стороны ярлыки от различных товаров. То же самое — в мире искусства. Нет порядка в столичном «Гастрономическом Театре» и в «Театре Финансов». Масштаб Масштабович.

ГАСТРОНОМУ!

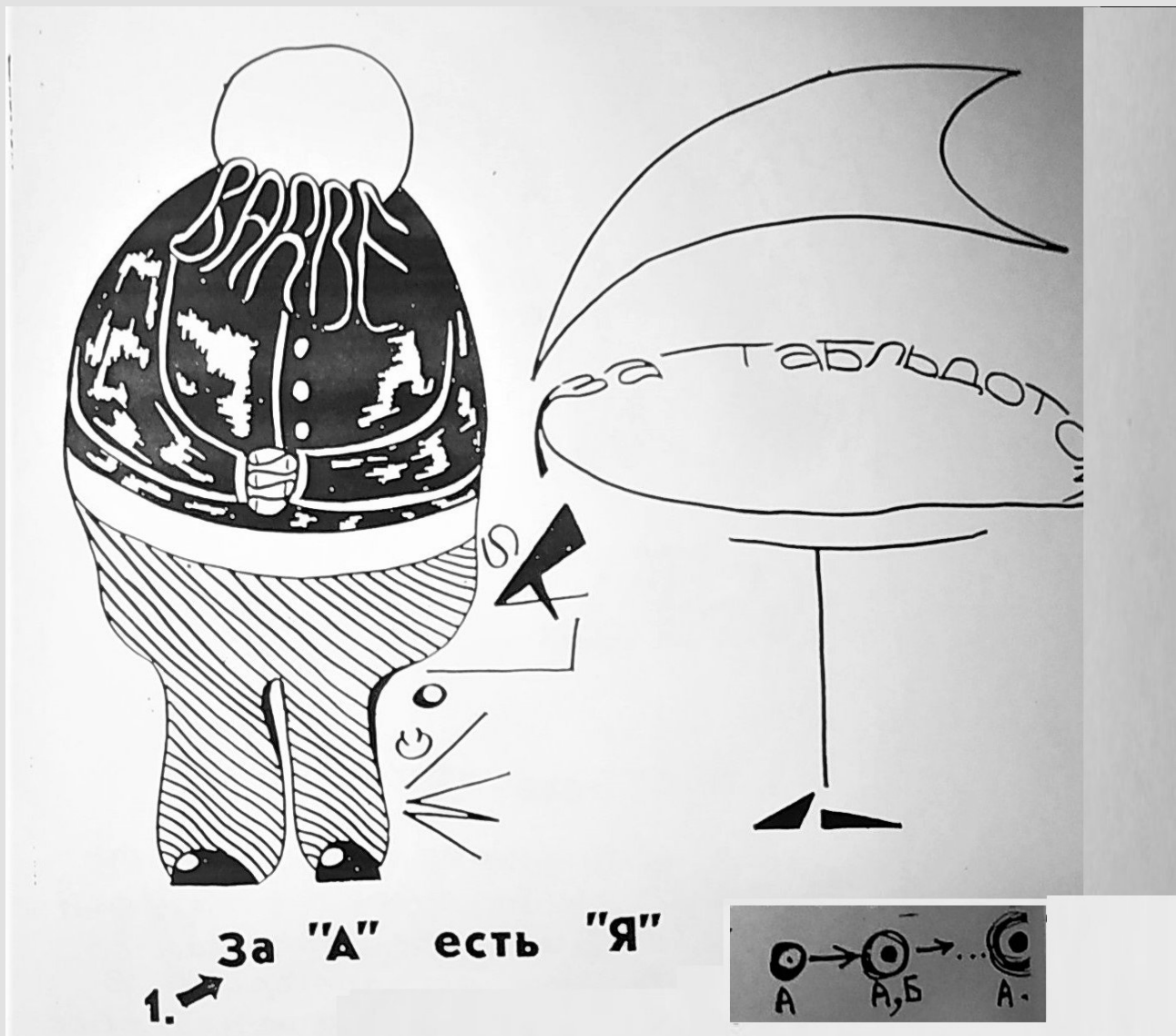
И БОЛЬШЕ НИЧЕГ!

Наука, техника, прикладное искусство

Митрич
Рассказы о «технике» звукоподражания

1. За «А» есть «Я»

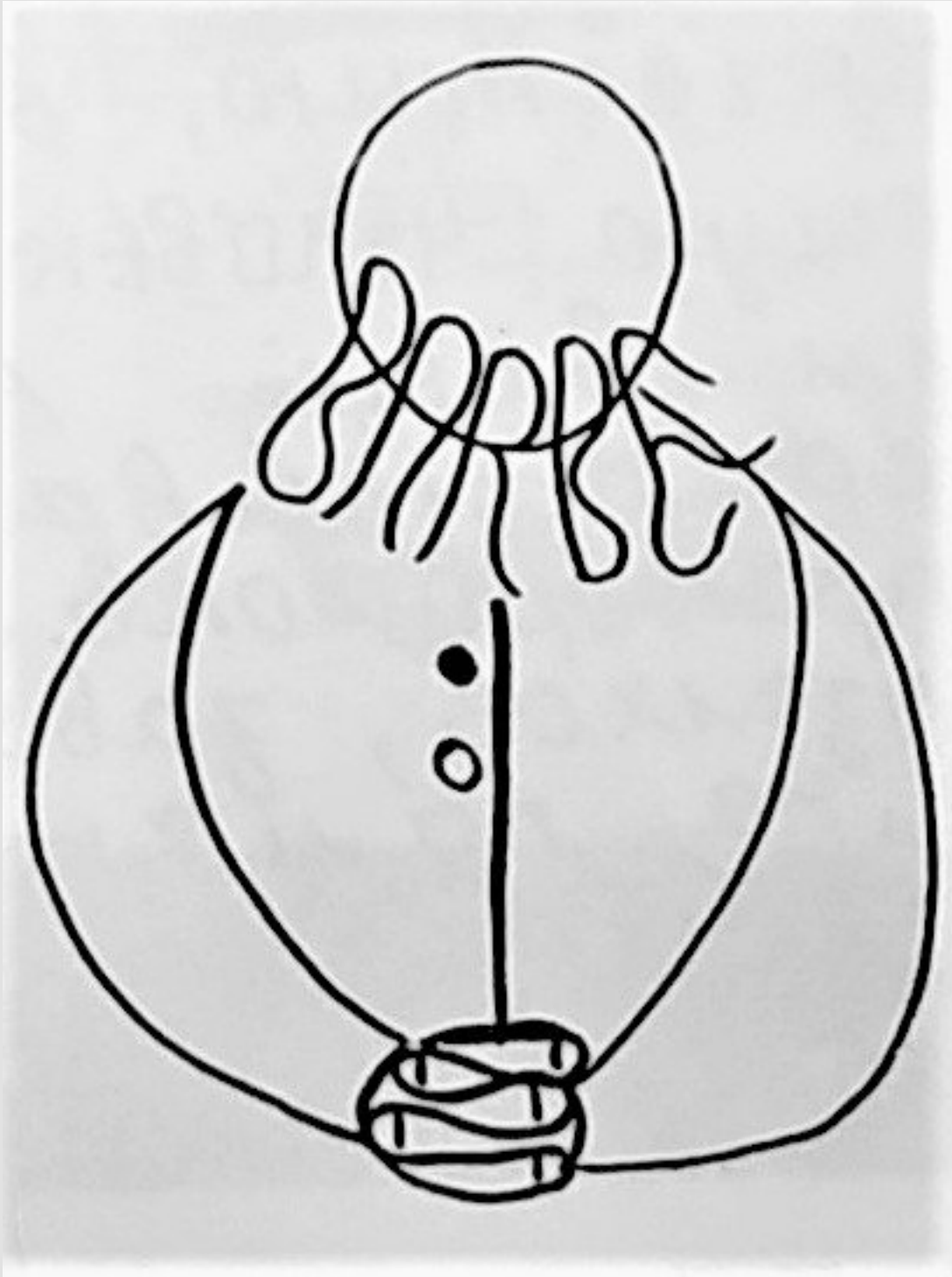

* Прим. ред.: По всей вероятности, художник имеет в виду немотивированную суггестию, взаимопоглощающую человека и осознанную им вещь. Алфавит здесь срабатывает обратно пропорционально цепочке узелков, завязываемых «на память».

2. За «Вс» есть «З»

* Прим. ред.: Может быть, художник имеет в виду действие «встряхивания, вслед за которым в воздухе образуются своеобразные структуры брызг»?

«Понятие указывает на то, что нечто было или является, но оно никоим образом не называет самой вещи».

Горгий, софисты

Митрич, перефразируя Горгия, использует термин «фонетическое понятие»... Он говорит:

— ...За «чем-то» всегда есть «что-то». Так не бывает, чтобы ничего не было...

(Рассказы о «технике»)